

Mrázek, Roman

[Схоневельд, К.Г. ван. Семантический анализ древнерусской системы определенных форм прошедшего времени]

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1961, vol. 10, iss. A9, pp. 197-201

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100582>

Access Date: 21. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

je proti autorovu mínění vytvořeno normálně od subst. *mluvnice*: *mluvnic-ský* > *mluvnický*, nikoli supletivně od jakéhosi **mlumník*. — Domníváme se proti autorovi, že neexistuje český sufix *-ební* (*zkušební*), nýbrž že adjektiva tohoto druhu (*modlitební, honební*) jsou transkategorální adjektiva od dějových jmen (*zkušba, živé modlitba, honba*). Tato adjektiva nelze směřovat s adjektivy typu *chvalitebný*. — Adjektivum *kr drůbež* zní *drůbeží* (nik. *drůbežní*). Proto se tento příklad nehodí mezi příklady různých vztahů, uvedené na str. 113. — Adjektiva *aktivní, poctivý, lenivý* apod. nejsou deverbativa (od *ucítí* ...). — Sufix *-natý* v adj. *okolitnatý* nemá platnost speciální (jako u *rutnatý*), nýbrž je to normální prostředek adjektiv předmětové přivlastňovacích (jako *vodnatý, lesnatý* ...). Adj. *hrotitý* neznamená „podobný hrotu“, nýbrž „mající hrot“. — Není zcela přesné tvrzení, že u adj. složených je první část zakončena na *-e* (místo *-o*) po souhláskách měkkých. — Neobvyklé nebo zastaralé jsou podoby adjektiv *příležitý, hladovitý, nepředstavný, nedosažitý, makavý, momentní, kmenný, našinský, ďábelný a ďábl, sklený, kinový* apod.

Tyto drobné nedostatky jsou ovšem nepatrným zlomkem v materiálu interpretovaném jinak veskrze správně a nemají vliv na celkové závěry. Rovněž prohršky proti kvantitě v českých příkladech, i když četné, nejsou nikdy na závalu zřetelnosti a jednoznačnosti slov. Jistě by k nim nebylo došlo, kdyby bylo těžké onemocnění autorovi neznemožnilo provedení korektur. Přitom je nutno říci, že i tak je množství těchto drobných nedostatků mnohem menší, než tomu zhusta bývá v „jinojazyčném“ materiálu současných srovnávacích prací. Přihlédneme-li k objektivním potížím, vyvstávajícím při analýze a interpretaci jemných významových odstínů slov „nema- teřského“ jazyka, musíme autorovi dát to nejlepší vysvědčení.

Jako resumé studie podává autor stručné srovnání adjektivních slovtvorných systémů češtiny a polštiny.

Soudíme, že jen nedopatřením není v závěrečném přehledu produktivních neverbálních sufixů českých i polských uvedena příp. *-i* (pol. *-i, -y*) s významem podmětové přivlastňovací (čes. *rybí, pol. rybí*).

Studie A. Sieczkowského, myšlenkově velmi bohatá a materiálově dobře fundovaná, je významným přínosem slovtvornému bádání v obou jazycích.

Dušan Šlosar

K. G. van Schooneveld: Семантический анализ древнерусской системы определенных форм прошедшего времени, 's-Гравенаре 1959, XI + 171 стр. (C. H. van Schooneveld: A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System, 's-Gravenhage 1959).

Рецензируемая книга является опытом объяснения со структуралистских позиций системы функций, выразившихся определенными глагольными формами прошедшего времени в древнерусском языке раннего периода. Автор стремится исследовать и определить общие грамматические значения этих временных форм, вытекающие из их взаимных оппозиций, и указать условия их употребления. Естественно, он обращает внимание и на видовую сторону исследуемых форм. Таким образом, он затронул более широкую тематическую область, в общих своих предпосылках довольно много уже изученную и в последнее время опять очень оживленно обсуждающуюся. Поэтому ему нельзя было принести какие-либо принципиальные, до сих пор совершенно неизвестные данные. Его труд не носит и характер основанного на широком материале филологического сочинения. То новое, благодаря чему книга вызывает несомненный интерес, заключается в структуральном, системном подходе к обработке поставленной темы.

На многих положительных и на некоторых отрицательных чертах работы Схоне- вельда ярко обнаруживаются достоинства и недостатки структуралистского метода при изучении исторической грамматики на одном определенном этапе в развитии языковой системы. С одной стороны правильная системная трактовка языка и его планов, стремление вскрывать и определять общие значимости изучаемых явлений, остроумные наблюдения в связи с применением метода бинарных оппозиций, с другой стороны известная ограниченность горизонтов, игнорирование общей динамичности развития, недостаточное использование свидетельства других, близко родственных языков. Для автора наличествует в качестве вполне самодовлеющей языковой системы древнейший письменный русский язык, представленный памятниками, и автор дает синхроническое описание его глагольных форм прошедшего времени. Однако глубоко понять, какое место в системе языка того или другого периода занимают рассматриваемые выразительные средства, это предполагает знать тоже их предшествующее развитие и более широкие диахронические перспективы. В системе рядом сосуществуют средства отмирающие, пережиточные, и средства нарастающие, новые; в некоторых формах изживается их старое содержание и возникает новое содержание. Особенно на объ-

яснениях Схоневельдом семантики т. н. сложных глагольных форм ярче всего отразился этот недостаточный учет их происхождения и общего направления в развитии.

Древнейший русский язык, в пределах избранной темы, не исследуется Схоневельдом во всем его объеме. Автор ограничивается, в сущности, состоянием XII века и суживает материальный базис своих экспертных — им было использовано всего четыре памятника: Повесть временных лет (включая Поучение Владимира Мономаха), Слово о полку Игореве, Житие Бориса и Глеба и Житие игумена Даниила; незначительное количество примеров заимствовано еще из I Новгородской летописи. Преобладающим большинством примеров, понятно, при цитациях представлена Повесть. Нам думается, что раз уже количество памятников было ограничено, то зафиксирование примеров могло быть произведено в строго филологическом порядке, по крайней мере при таких формах, которые не попадают в памятниках на каждом шагу, с привлечением статистических данных, освещающих количественное взаимоотношение близких друг к другу средств (напр. *онъ пришльъ* × *онъ естъ пришльъ*). Таким путем, может быть, на передний план выступили бы и некоторые интересные стилистические факты. Кроме того, не всегда ясно, по каким критериям подбираются цитируемые примеры: читатель может не знать, какая иллюстрация имеется, собственно, в виду, и полностью ли в ней охвачен диапазон важных семантико-функциональных оттенков данной формы, или же не были ли избраны только такие примеры, которые удовлетворяют заранее предусматривавшимся заключениям. Следовательно, предварительное суммарное распределение целой формальной категории по подчиненным семантическим типам (с возможным применением дальнейших классификационных критериев), с приблизительным или точным указанием частоты, сделало бы местами соответственный анализ более убедительным и более наглядным.

Схоневельд разделяет мнение структуралистов, что каждой форме как знаковой категория неотъемлемо свойственно — в плане „языка“ — определенное общее значение (общая ценность, значимость), которое может, правда, разнообразно видоизменяться — в плане „речи“ — под влиянием контекста, но которое никогда не может пропасть. Какими тонкими бы ни были различия между общими значениями двух близких форм, они все же существуют, только нелегко бывает установить их и положительно сформулировать. Стремление автора уловить общие значения морфологических знаков глагольного претерита в русском языке XII в. нельзя не оценить благоприятно. С другой стороны, пожалуй, остается фактом, что соответственные дефиниции и целые рассуждения иногда являются слишком отвлеченными, спекулятивными, мало определенными. И далее. Если автор признает существование неоспоримых и постижимых семантических различий в пределах всех глагольных форм прошедшего времени в литературном русском языке XII в., то он тем самым, естественно, исходит из предпосылки, что в языковом употреблении тогдашнего времени все эти формы более или менее последовательно фактически различались, что в частности простые глагольные формы представляли тогда еще вполне живую категорию. Эта предпосылка Схоневельда в своей сущности правильна, однако нельзя исключить возможность, что тогда уже намечались первые признаки последующего разложения в системе простых форм, при одновременном более интенсивном распространении сложных форм, в результате чего нельзя было бы в каждом отдельном случае убедительно обосновать и понять употребление данной формы, иногда, может быть, происходило уже немотивированное смещение простых претеритов; аналогично это относится также напр. к альтернации номинального и глагольного выражения перфекта, где автор во что бы ни стало старается установить семантическое (грамматическое) отличие между обеими формами. Семантический анализ (он прибавляется к каждому примеру отдельно, занимая нередко очень много места), т. е. объяснение того, почему древнерусский писец употребил в данном случае именно одну, а не другую форму, производит иногда несколько искусственное впечатление.

Схоневельд, опираясь на результаты, достигнутые другими языковедами, во введении к своему сочинению в общих чертах отмечает главные существующие взгляды на славянские претериты и виды. Его критическая установка по отношению к ним, обусловленная — по его собственным словам — тем, что эта область грамматики до сих пор почти что не подвергалась рассмотрению надежным (т. е. структуралистским) методом, в некоторых случаях неоправдана и лишена конкретного обоснования (напр. в случае А. В. Исаченко). На чешского читателя, впрочем, благоприятное впечатление производит относительно хорошая информированность о трудах чешских языковедов

(напр. Гавранека, Исаченко, Достала). Из числа русских исследователей автор чаще всего ссылается на мнение Истриной и Карского (в монографиях о I Новг. летописи и Лаврент. летописи). Мы считаем, что использование литературы, применительно к конкретным объяснениям и некоторым деталям, должно было быть более богатым и более последовательным, что помогло бы кое-где предотвратить неточности; стоит отметить, что начиная со стр. 108 до конца книги (на стр. 165) имеется всего лишь 6 ссылок на мнения или работы других, хотя как раз здесь Схоневельд располагал гораздо менее обильным собственным материалом и хотя дело идет об областях, довольно глубоко уже обработанных в литературе, пусть не всегда прямо относительно древнерусского языка (ср. исследования Потебни, Слоньского, Гавранека и др.). Этим мы, конечно, не хотим сказать, что Схоневельд не принес ряд весьма ценных уточнений существующих мнений, главным образом что касается общих значений исследованных глагольных форм.

Теперь коснемся некоторых главных мыслей, к которым автор приходит в своей книге, и прибавим к ним попутно свои замечания.

Схоневельд исходит из правильной установки, что в простых и сложных претеритальных глагольных формах времена и виды выступают всегда в качестве отличных семантических категорий, действующих автономно; следовательно, нет (как известно) никакого тождества напр. между совершенным видом и аористом или несовершенным видом и имперфектом. Совершенство вида понимается им как доведение глагольного действия до конца, его завершение (категория признаковая), а несовершенный вид как отсутствие этого признака (категория беспризнаковая). Основой всей системы активных форм прошедшего времени считаются две простых формы — аорист и имперфект, и одна сложная форма — перфект; все они стоят в принципиальной оппозиции к категории настоящего времени, так как выражают действия, происшедшие до момента высказывания.

Аорист (глава I, стр. 19—33) определяется как семантически совершенно беспризнаковая форма прошедшего времени, которая выражает прошедшее действие самым простым возможным способом. В этом заключается ее общее значение. Поэтому говорящий прибегает к аористу для обозначения действий, которые он считает основными в своем повествовании. Отрицается (правомерно) мнение Истриной, будто бы автор высказывания, применяя аорист, неминуемо относит действие к какому-либо определенному, ограниченному отрезку времени в прошлом.

Имперфект (глава II, стр. 34—58) считается — вместе с перфектом — в противоположность аористу уже признаковой временной категорией. Схоневельд устанавливает, что в большинстве случаев эта форма, правда, означает второстепенные сопутствующие действия (при указании на эпизоды, характеристики и описания — в этом пункте он разделяет мнение Гавранека и Герада), однако эту черту он не признает ее общим значением, потому что некоторые случаи остались бы необъясненными. Он ищет общее значение имперфекта в плоскости еще более высокой абстракции: имперфект выражает замкнутое в себе действие (*self-contained process*), последствия которого не распространяются за пределы продолжения самого действия (аорист, напротив, выражает действие, которое делает возможным, чтобы его последствия проявились в непосредственно последующей ситуации). Заслуживающим внимания и хорошо приемлемым является взгляд автора, что совершенный вид здесь имеет ту же значимость, что и во всех других случаях: он указывает только то, что действие достигло своего окончания (известное отличие, напр., от мнения Кузнецова и Маслова).

Тщательно разработан раздел о простых формах прошедшего времени глагола *быти* (глава III, стр. 59—85). И здесь Схоневельд отстаивает точку зрения, что каждая из этих форм в литературном русском языке описываемого периода была наделена своей особой грамматической семантикой и что в соответствии с этим соблюдалась четкая функциональная дифференциация. Форма *бѣхъ* признается несовершенным аористом не только формально, но и — в противоположность мнению других — по значению; примеры, которыми подкрепляется это утверждение, являются не все вполне убедительными. Решительно отвергается воззрение, что форме *быхъ* (совершенному аористу) были свойственны два лексических значения, как это до сих пор обычно признается, именно „*fiert*“ и „*esse*“; эта форма, как и всякий другой совершенный глагол, выражала только то, что действие достигло своего завершения, и если контекст иногда подсказывает значение „*fiert*“, тогда мы имеем дело с побочным значением, чуждым этой форме самой по себе. Спорадически встречающуюся форму *будяше* Схоневельд

квалифицирует (согласно Маслову) как совершенный имперфект. В целом у него теоретически получается структурно хорошо выдержанная система всех форм глагола *быти* (стр. 85): несовершенные *бѣхъ, бяхъ, есмь* × совершенные *быхъ, будяхъ, буду, и* по признаку времени: аорист *бѣхъ, быхъ*, имперфект *бяхъ, будяхъ*, презенс *есмь, буду*.

В изложениях, касающихся „сложных“ форм (автор здесь в сферу своих наблюдений включает ради полноты и формы со значением настоящего времени, напр. *есмь читалъ*), более выразительно должно было выступить на первый план то, что по происхождению тут всюду налицо не сложные морфологические единицы, а единицы синтаксические — это были номинальные предложения бессвязочные или связочные, и функцию сказуемого в них выполняло то или другое причастие (= отглагольное прилагательное) без связи или со связкой; сказуемое было, значит, исконно именным и означало состояние, отнесенное к какому-либо временному плану; морфологизация некоторых этих сочетаний (т. е. семантический сдвиг от состояния к действию, вовлечение в систему глагольных форм и, в связи с тем, переход именных сказуемых в глагольные сказуемые и преобразование связки во вспомогательный глагол) к XII в. в древнерусском языке в общем далеко еще не завершилась, и в различных категориях таких сложных форм то более, то менее явно выступало прежнее значение состояния.

Общее значение перфекта (глава IV, стр. 86—121) позитивно формулируется так, что эта форма означает совершившееся до момента высказывания событие, которое стало уже объективно известным; поэтому перфект изымает действие из соответственного более широкого контекста и объективизирует его. Говорить в связи с этой формой о глаголе *быти* последовательно как о вспомогательном глаголе, т. е. как о готовой составной части морфологической единицы, — это не вполне точный прием. Прямо ошибочным представляется нам делать отсюда вывод, что этот глагол поэтому носил здесь характер энклитики и как таковой не мог стоять на первом месте предложения; сами некоторые примеры, цитирующиеся Схоневельдом, опровергают такой вывод.

Плюсквамперфект (причастие на *-лъ + бѣ, бяше, естъ бялъ*, глава V, стр. 122—140) имеет аналогичное общее значение, как и сам перфект, только модифицированное со стороны общего значения соответствующей формы глагола *быти*. Схоневельд уверен в реально существовавшем в то время ясном семантическом различии между „полным“ (*естъ бялъ пришьлъ*) и „эллиптическим“ (*бьялъ пришьлъ*) плюсквамперфектом, одинаково как и при простом перфекте (*естъ пришьлъ* × *пришьлъ*).

Довольно проблематичным представляется, занимают ли органическое место в структурально построенном труде изложения о сочетании, состоящем из глагола *быти* и причастия *-нѣ* (*есмь* // *бяхъ читая*, глава VI, стр. 141—147). Автор сознает это сам, отмечая, напр., факт, что глагол *быти* здесь имеет характер связки (однако подчеркивать этот момент только в связи с этой формой не вполне справедливо). Впрочем он затрагивает всю соответственную проблематику в весьма сжатом виде и довольствуется, в сущности, лишь тем, что предоставлял ему собственный (очень немногочисленный) материал, без надлежащего использования литературы предмета (особенно Потехни).

Анализ сочетаний со страдательными причастиями составляет содержание последних двух глав рецензируемой работы (с причастием на *-мъ* в главе VII, стр. 148—151, с причастием на *-нѣ, -тѣ* в главе VIII, стр. 152—164). Примеры на первую форму встретились в его материале весьма редко, поэтому они не позволили автору высказать какие-нибудь более общие заключения. Что до второй формы, Схоневельд приносит некоторые меткие наблюдения о взаимоотношении между видом глагола и временной значимостью глагола *быти*, однако допускает ошибку, предполагая, что несовершенные причастия + форма глагола *быти* могли иногда выражать страдательное несовершенное действие; на деле же причастия несовершенного вида имели в русском языке XII в. всегда еще результирующее значение, так что напр. *писано естъ* не имело смысл „es wird geschrieben“ (а „es ist, es steht geschrieben“), *суть дѣлани* не обозначало „sie werden gemacht“ (а „sie sind gemacht, verfertigt“), *ведени быша* не имело значение „sie wurden geführt“ (а, скорее, „sie sind abgeführt worden“).

В заключение еще несколько мелких примечаний по поводу интерпретации примеров, способ изложений и общего оформления книги. Схоневельд в своем труде зарекомендовал себя опытным языковедом, хорошим знатоком древнерусского материала и добросовестным издателем. Обработанность материала, ход и способ изложений и формулировок заслуживают признания. В книге найдется лишь очень мало конкретных недочетов в отнесении примеров или же иных явных ошибок в тексте. Отметим здесь только некоторые из них. В нескольких случаях пример был включен в рубрику,

k которой он, собственно, не относится, ср. на стр. 63 (*баше восхищия и грабя*), 69 (*бъ бо любимъ*), 73 (*бъ бо лова дѣя*), 91 (*естъ была создана*), 162 (*бъ имя наречено*). Из числа ошибок иного рода приведем напр. на стр. 21 (*есмы слышали* вм. *нѣсмы слышали*), 35 (недосмотр в чешской цитации), 44 (*the perfective aorist and the imperfective imperfect* вм. *perfective imperfect*), 78 (*всю геометрику* вм. *геометрию*), 119 (неправомерно утверждается, что оба перфекта выступают в относительном предложении), 120 (неясно, где находится рубрика а)). Чисто технического характера будет уже то, что в определенном количестве примеров не выдвигается объясняемое явление разрядкой, хотя во всех других случаях она проведена, или же что в одиночных случаях она, напротив, не должна быть.

Филологический уровень работы Схоневельда — несмотря на нашу оговорку, касающуюся информации о подборе примеров и их взаимном количественном отношении — удовлетворяет. Благоприятно действует учет (на тех местах, где это фактически важно) вариантов по разным спискам цитируемых памятников. Английские переводы древнерусских примеров (они даются за каждым примером, последовательно) почти без исключения надежны, незначительные недочеты встречаются действительно крайне sporadически. Что до распределения примеров и применения при этом подходящих критериев, то местами, несомненно, целесообразно было бы в еще большей мере учитывать постановку исследуемой формы в придаточных предложениях, особенно относительных (*иже...*, *идеже...*) и экспликативных (*... бо*); кажется, что как раз семантически признаковые претериты (имперфект, перфект, плюсквамперфект) тут появляются чаще всего.

Графическое оформление книги очень хорошее, читателю было бы, однако, выгодно, если бы на важных местах абзацы, продвигающие изложение вперед или приносящие итоги, общую оценку, более выразительно отделялись от относящегося только к отдельным примерам объяснения. К книге прибавлен указатель авторов и указатель цитируемых примеров, в обоих случаях со ссылкой на страницу в книге.

Несмотря на некоторые наши критические замечания, мы высоко оцениваем эту работу Схоневельда. Она принесла интересные мысли, ряд замечательных наблюдений. Она пролила качественно новый свет на один отрезок древнерусской морфологии. Она показала, в чем структуральный метод фактически может быть полезен при исследовании исторической грамматики, а в чем состоит его ограниченность. Во многих отношениях сочинение К. Г. Схоневельда можно считать примером основанного на современных началах грамматического анализа.

P. Мравек

A. G. Rudnev: Синтаксис осложненного предложения. Moskva 1959, 198 str.

Autor v této publikaci pojednává o složitějších typech věty jednoduché. Jde o věty stojící jakoby na rozhraní mezi větou jednoduchou a souvětím vzhledem k tomu, že obsahují části, blíží se svým charakterem větě, nebo několikanásobné části, připouštějící též více méně vhodné vyjádření souvětím, což svádí k domněnce, že jde vlastně o stažené souvětí. Jsou to věty s volně připojeným větným členem, věty s vloženým (vsunutým) větným členem, věty s několikanásobným větným členem a věty obsahující oslovení. Předmětem autorova zkoumání je syntaktický charakter těchto čtyř zvláštních druhů větných členů, komplikujících strukturu věty jednoduché.

1. Volně připojené větné členy. 1. Autor rozebírá stanoviska jednotlivých ruských lingvistů doby minulé i současné, některé koncepce odmítá, hlavně stanovisko formálně logické, že volně připojené větné členy jsou zkrácené věty vedlejší (je nesprávné proto, že je založeno na směřování jazykových kategorií s kategoriemi logickými a nepřihlíží k historickému vývoji) a stanovisko formálně gramatické, ve kterém je za základní kritérium považována intonace a rytmus. To jsou však jen prostředky a ne podmínky volného připojení. Volně připojené větné členy jsou zde tedy klasifikovány podle formálních příznaků a nebere se v úvahu jejich sémanticko-syntaktická funkce.

2. Autor chápe volně připojené větné členy jako syntaktickou kategorii. Východiskem pro takové chápání volně připojených větných členů je to, že ve větě nemůže být žádné slovo, které by v ní nemělo tu či onu významovou funkci (gramatický význam), t. j. význam ve vztahu k jiné části. Tento gramatický význam pak nachází svůj gramatický projev v mluvnické shodě (согласование) v řízení a řízenosti (управление), v přimykání (примыкание) a ve vzájemné souvislosti (соотношение). Významová funkce volně připojených větných členů je podle autora čtverá: a) bližší určení, kvalifikace větného členu, b) zprášení, konkretizace, objasnění smyslu větného členu, c) vystupňování smyslu nebo emocionální stránky obsahu větného členu, d) poukázání